

Моей семье

ПРОЛОГ

ПАМЕЛА

*Наши дни
6:20 утра*

Когда я была молодой студенткой полицейской академии, я усвоила две важных вещи: во-первых, увиденный тобою труп ты не забудешь никогда, и, во-вторых, рядом с каждой мертвой женщиной обнаружится мужчина, который будет клясться, что она была любовью всей его жизни, даже если он стоит перед тобой в окровавленной футболке и сжимает в руке нож. Но это было давно (если быть точной, тридцать лет назад), и с тех пор многое изменилось. Нам ничто не угрожает ни у нас дома, ни в отношениях, ни в общественных местах.

Поэтому сегодняшний день такой необычный.

Ее нашли обыкновенным октябрьским утром. Небо стояло нежно-серое, земля устилалась хрустящими осенними листьями, а для мужчин все еще действовал комендантский час. Вызов поступил в начале седьмого — короткий и по существу.

Я тогда была самой старшей дежурной, поэтому на место прибыла первой. Тот, кто бросил ее здесь, попытался спрятать тело за глянцевыми зелеными листьями лаврового кустарника, но сделал это неумело. А если бы получилось — ее нашли бы только через несколько дней, а не через несколько часов.

Я не хочу здесь находиться. До выхода на пенсию остается несколько недель. Я рассчитывала, что последним аккордом моей профессиональной деятельности станет незначительная кража в магазине, пара актов вандализма, выброшенный щенок или домашняя ссора. Но работа есть работа.

Пересекаю парк с двумя нашими полицейскими. Темная форма и тяжелые ботинки резко контрастируют с пышной травой, с анютиными глазками и фиалками на цветочных клумбах. Здесь красиво, особенно на рассвете. Мирно. Тихо. Чисто.

Мы вдвоем машинально ускоряемся, когда замечаем двух женщин. Они сидят на скамейке у озера, прижавшись друг к другу. Одна средних лет и в белой куртке, натянутой на полное тело. Другая намного моложе, в леггинсах и ярко-розовых кроссовках, волосы собраны на макушке в небрежный пучок. Ранние птички, совершающие ежедневную прогулку перед выходом мужчин в семь утра.

— Думаю, это они ее нашли, — говорит Рэйчел. Она в полиции всего несколько лет. Увлеченная, но молодая. Ей довелось выполнять свою работу

только в условиях комендантского часа. Как было раньше, она не знает. Она пытается сохранять спокойствие и вести себя профессионально, но я чувствую ее волнение, и меня это беспокоит. Для Рэйчел это новое дело. Крупное, серьезное. Адреналин зашкаливает. У меня тоже, но вместо радостного трепета я испытываю страх.

— Сначала я с ними поговорю, — заявляю я. — Они в шоке.

— Я знаю, что они чувствуют, — отвечает Рэйчел. — Но... как это могло произойти?

— Нам это не известно. Так что давайте сохранять непредвзятость, пока не раскроем дело. Насколько мы знаем, это несчастный случай, авария. Может, все не так уж и запутанно. — Еще не договорив, я понимаю, что все не так. Попавшие в аварию женщины не оказываются в кустах в парке, наполовину зарытыми в землю.

Женщина помладше обнимает старшую за плечи. При моем приближении они поворачиваются. Младшая неуверенно встает на ноги и указывает на кусты.

— Она там. Я... я накинула на нее куртку. Не знала, что еще сделать.

— Вы все правильно сделали, — лгу я, не желая усугублять их страдания. Я прошу Элисон, другого офицера полиции, записать их показания и успокоить, насколько возможно. Достāju планшет и начинаю записывать. Планшеты сменили смартфоны много лет назад, и сейчас они есть почти у каждого. Они одновременно и благословение,

и проклятие, поскольку все твои данные хранятся в одном месте, но ты в полной заднице, если потеряешь эту чертову штуковину или если она тебе вообще не по карману.

Я собираюсь с духом и спускаюсь к густым зарослям кустарника. Первыми бросаются в глаза босые ноги. Ногти на ногах персиково-розовые. Какой красивый цвет! Он напоминает цветы, губную помаду и летние девчачьи платяица, то есть все милое и очаровательное, чему здесь нет места. Труп частично завернут в белую простыню, а плечи и лицо накрыты синей спортивной курткой.

Приседаю рядом с ней. Это переломный момент, точно такой же, как убийства члена парламента Сьюзен Лэнг и четырех женщин шестнадцать лет назад. Их находили забитыми до смерти в общественных местах в течение пяти ужасных месяцев.

Пока убийцу не поймали, женщинам велели оставаться дома. Подразумевалось, что, если с нами что-то случится, это будет наша вина. Но нам надоело, что нас обвиняют в поступках мужчин. Мы сказали «хватит». Начали создавать онлайн-сообщества. Выходить с демонстрациями на улицы. Это не сработало, и тогда мы объявили забастовку и прекратили выполнять неоплачиваемую домашнюю работу, лежащую в основе существования общества. Мы жаждали перемен, и мы их получили. Без преувеличения могу сказать, что те убийства дали нам комендантский час, и теперь я задаюсь вопросом, что нам даст это убийство.

Поспешно отгоняю эту мысль. Сейчас ситуация в корне другая. Мужчины обязаны оставаться ночью дома, их передвижения между семью вечера и семью утра отслеживаются по электронному браслету на лодыжке, который незамедлительно предупредит нас, как только им вздумается нарушить комендантский час. Если бы в этом деле был замешан мужчина, я бы уже знала.

Я целую вечность не сталкивалась с подобным — но обучение не проходит даром, и за это можно быть благодарной. Планшет наклоняется под нужным углом, пальцы записывают каждую деталь. Достая из кармана пару латексных перчаток, надеваю их и аккуратно приподнимаю край куртки, закрывающий лицо и плечи.

К горлу подступает желчь, но ее удастся проглотить. Во рту остается горький вкус. Я выпрямляюсь, подставляю лицо рассветному небу и глубоко дышу. Немного отодвигаюсь в сторону, пропуская Рэйчел.

— Это явно не несчастный случай, — потрясенно произносит она.

У меня нет времени ее утешать.

— Нужно оцепить парк, — говорю я. — Расставьте полицейских возле каждого входа и выхода. Никого не впускайте.

Долго об этом умалчивать мы не сможем. Но я должна выиграть как можно больше времени. Нужно передвинуть тело. Прочесать каждый дюйм парка. Установить личность погибшей и сообщить семье. О, боже! Ее семье.

— Уже, — говорит Рэйчел, лезет в карман за планшетом и дрожащими пальцами набирает сообщение. Полицейский участок всего в нескольких минутах езды отсюда, так что офицеры окажутся здесь совсем скоро.

— А как же идентификация?

— Этим займется патологоанатом.

Я не смогу отсканировать ее лицо на планшете, чтобы узнать ее имя. Преступники позаботились о том, чтобы усложнить опознание. Но мы это сделаем. А потом мы идентифицируем самих преступников.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

САРА

Месяцем ранее

До тюрьмы путь был неблизкий. Сара включила музыку погромче — большой палец принялся выстукивать ритм по рулю, плечи двигались в такт. Перестраиваясь и переключая передачу, она хотела думать только о дороге, о своей ладони на руле, о движении бедер. О нем она думать не хотела.

Но все равно думала.

Бывшего мужа она не видела почти три месяца. Интересно, изменился ли он. Она изменилась, это уж точно. Сара рискнула посмотреть на себя в зеркало заднего вида, подняла руку и поправила темные пряди волос, поймав себя на мысли, что жалеет о новой стрижке. Она планировала этот визит несколько недель и хотела показать, что прекрасно справляется без него. Что он больше не имеет над ней власти. Стрижка, как и новая одежда, являлась частью этого плана.

Ей вдруг захотелось, чтобы эти перемены остались ее секретом. Нужно развернуться и поехать обратно. Нет ничего, что помешало бы ей это сделать. Она не обязана с ним видаться.

Но она не развернулась.

Нужно взглянуть на него в последний раз. Нужно убедиться, что она поступила правильно, и отбросить все сомнения, которые закрадывались, когда она в очередной раз ссорилась с их дочерью, Кэсс, или когда она лежала без сна в предрассветные часы, а память безжалостно прокручивала то, что хотелось забыть навсегда.

Сара щелкнула поворотником, сбавила скорость и свернула с шоссе. На вершине холма остановилась перед светофором. Подождала, пока красный сменится зеленым, и снова нажала на газ. Краем глаза она заметила, что за ней следуют еще четыре машины, жалкая вереница женщин, собравшихся навестить своих мужчин.

Она следовала белой разметке, отмечавшей дорогу к тюрьме. По обочинам росли высокие и пышные хвойные деревья и скрывали собой здание. Сара была благодарна за огромные оранжевые знаки, указывающие путь. Она остановилась на первом попавшемся свободном месте. С трудом отстегнула ремень безопасности и приоткрыла дверь, лишь теперь заметив, что припарковалась так неудачно — едва осталось место, чтобы вылезти. Сара подумала дать задний ход и попробовать припарковаться заново, но это отсрочило бы событие и дало бы слишком много возможностей сбежать, поджав хвост.

Перекинув сумку через плечо, она направилась к входу. Расставленные по краям барьеры направляли посетителей в узкую очередь и далее через автоматические двери внутрь здания. За матовыми стеклами ничего не было видно. На других женщин Сара не смотрела. Установить зрительный контакт означало быть увиденной, а быть увиденной означало признать, что у тебя есть причина здесь находиться. А она этого признавать не хотела.

Впереди стоящая женщина в зеленой блузке вошла в здание, и Сара шагнула вперед. Охранник примерно ее возраста, в темно-синей униформе и с рацией на плече удерживал Сару, пока не открылась дверь. Оказавшись внутри, она сразу догадалась, что делать. Споткнувшись, Сара направилась к пустой стойке, где ее ждала скучающего вида женщина с большим планшетом в руке.

— К кому вы пришли?

— К Грэгу Джонсону.

Женщина проверила имя на планшете.

— Ваше имя?

— Сара Уоллес.

— Кем приходитесь Грэгу Джонсону?

— Бывшей женой.

Бракоразводный процесс оказался быстрым, безболезненным и дешевым. Она запросила его по телефону через месяц после того, как Грэг нарушил комендантский час, и ее запрос удовлетворили в течение двадцати четырех часов. Это был хороший день.

Женщина указала на конвейерную ленту, ведущую к сканирующему аппарату.

— Сумку сюда, пожалуйста.

Сара подчинилась и прошла через металлическую арку. Словно переступала порог, с улицы — внутрь, от невинности — к виновности. Когда аппарат выдал ее вещи, другая охранница протянула ей потертый желтый поднос.

— Сюда, — произнесла она, кивнув в сторону сумки.

— Хотите, чтобы я высыпала все содержимое?

— Да, пожалуйста.

Сара торопливо открыла сумку и перевернула ее над подносом, показывая, что ей нечего скрывать. Ручки, помады и ключи упали с таким громким стуком, что она вздрогнула. Охранница пощупала их и посветила фонариком в недра пустой сумки. Легкий взмах руки — и Сара поняла, что и этот этап пройден. Она собрала вещи, и ее повели по коридору, длинному, серо-голубому, без окон и со скрипучим полом. Она шла, ориентируясь по облупившимся черным стрелкам на стенах, пока не очутилась в душном помещении, заставленном квадратными столиками и пластиковыми стульями.

Как здесь принято себя вести? Следует ли ей самой выбрать столик или ждать, пока ее проведут? Она сделала пару шагов, и ее сердце заколотилось так, что отдавалось в ушах. Воздух стал слишком плотным, а стены невыносимо давили, потому что в помещение вошел он.

Грэг сел за свободный столик, положил руки на столешницу и посмотрел на нее.

Ее губы приоткрылись, а язык, который всего секунду назад был нормального размера, казался слишком большим. Она почувствовала, как во рту скопилась слюна, и хотела сглотнуть, но не смогла. Сара забыла, как это делается.

Перед ней сидел мужчина, с которым она делила дом, постель, свою жизнь. Мужчина, тяжелый и потный, который лежал на ней и был в ней, когда была зачата их дочь. Перед ее глазами пронеслась вся их совместная жизнь, с того первого дня, когда она встретила его, до момента, как его увезли на заднем сиденье полицейского автомобиля. В глазах потемнело, и комната закрылась.

Кто-то коснулся ее плеча. Сара заморгала и с усилием вернулась в настоящее.

— Вам нехорошо? — осведомилась женщина в зеленой блузке.

— Я... я не знаю, — с трудом произнесла Сара.

— Первый раз здесь?

Сара кивнула.

— Дерьмовое ощущение, правда? — У женщины был острый нос и серьги в виде морской звезды. — Дайте себе десять минут. Говорите все что угодно, все, что вам нужно сказать, а потом уходите. Перетерпеть десять минут уж как-нибудь да можно.

Грэга она терпела восемнадцать лет.

— Ладно. Спасибо.

Женщина похлопала ее по плечу и пошла к столику, за которым сидел молодой человек с таким же острым носом и смотрел в пустоту.

Десять минут — и все. Сара повернула голову и заставила себя посмотреть на Грэга. Она узнала его без труда, и все же он сильно изменился. Похудел. Поседел. Сильно облысел, и кожа головы теперь заметно блестела. На нем была толстовка такого же грязно-желтого цвета, что и стены. Она усилием воли направилась к столу.

— Сара, — сказал он. Она и забыла, как Грэг произносит ее имя. С таким выражением, будто у него во рту после этого остается кислый привкус. Слова, которые она собиралась сказать, разом испарились из головы. Сара попыталась ухватиться за них, но обнаружила пустоту. Все оказалось напрасным — дни репетиций, разговоры с собой в душе и в машине. Несколько бесконечных секунд они молча смотрели друг на друга. Сара чувствовала стиснутую в его груди ярость. Ярость, наполнявшую все его коренастое тело. Неудивительно.

Ведь это она посадила Грэга в тюрьму.

Сара села. Их лица оказались на одном уровне, и она тут же пожалела, что не осталась стоять.

— Я попросила, чтобы после освобождения тебя переселили в другое место. — Она не стала утруждать себя ни приветствием, ни вопросом о том, как он поживает. Ее это не интересовало.

Но он не позволил ей идти таким путем.

— Привет, Сара, — поздоровался он. — Как ты? Как моя дочь?

— Она в порядке. Ты слышал, что я сказала?

— Слышал.

— Ничего не хочешь сказать?

Он откинулся на спинку стула и вздохнул.

— А что ты хочешь услышать? Благодарность за то, что поставила меня в известность?

— Я подумала...

— Куда меня отправят? — прервал он ее.

— Не знаю. Полагаю, туда, где для тебя найдется место.

Но точно не в Риверсайте — многоквартирном доме в городе, где селили только что выпущенных из тюрьмы мужчин. И это было главным.

— Так далеко от Кэсси.

Сара стиснула зубы. Это его вечное собственничество! Даже сейчас ей захотелось его пнуть. Нельзя совершать то, что он совершал, а потом изображать из себя заботливого родителя.

— Ей почти восемнадцать.

— Я в курсе, сколько лет моей дочери.

— В восемнадцать родительская ответственность заканчивается. У тебя нет нужды жить рядом с дочерью.

— Ты приехала такую даль для того, чтобы сказать мне, что что я больше не увижу свою дочь? — спросил он.

Сара на приманку не клюнула.

— Да.

— Почему?

— Подумала, что ты должен знать.

Грэг поднял ладонь и осмотрел свои ногти. Они были короткими и чистыми.

— Я уверен, что кто-то мог передать мне сообщение, — с горечью произнес он.

— Я хотела, чтобы ты услышал это от меня, — возразила Сара.

— Ты всегда этого хотела, не так ли?

Не делай этого, Сара. Не делай.

— Что ты имеешь в виду?

Он скрестил руки на груди.

— Мы с Кэсс нуждались в тебе, но тебя это не интересовало. Тебя никогда не было дома. Ты была слишком занята.

— Неправда!

— Неужели?

— Мне нужно было работать. — Сара почувствовала, как вспыхнуло ее лицо, но слова сами лились изо рта. — У нас были счета. Ипотека. Комендантский час...

— Давай-давай, сваливай все на комендантский час. Это ведь проще, чем взглянуть правде в глаза. Ты не создана быть женой и уж тем более не создана быть матерью. Как ты думаешь, почему я сделал то, что сделал? Этого бы не случилось, если бы ты была рядом, если бы у нас получилось хоть что-то похожее на брак.

Сара заставила себя в последний раз взглянуть на него, на морщинки в уголках его глаз и линию волос на шее, которую он пропустил бритвой. Она заставила себя вспомнить, как складывалась ее жизнь. Сколько слез она пролила тайком, как до-